

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.85>

Фролов Георгий Аркадьевич, Гильфанова Гульнара Тавкильевна

РЕЦЕПЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА И. БОБРОВСКОГО В ПОСЛЕВОЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1950-1970-Е ГГ.)

В статье исследуется литературный контекст Восточной Германии 1950-1970-х гг. с целью выявления степени восприятия, переосмысления и переработки художественного опыта известного писателя И. Бобровского. Интерес к творчеству автора неисторического романа, его индивидуальному стилю обусловлен синтезом традиционных методов и новаторских элементов, объединенных художественной концепцией истории в стиле Бобровского. Творческое наследие писателя актуально, востребовано и узнаваемо преломляется и живет в текстах романов Э. Шриттматтера, Ф. Фюмана, Ю. Беккера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/4/85.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 4. С. 407-411. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**ANCIENT LEGENDS FROM THE ANTHOLOGY “MAN'YŌSHŪ”
AND THE EARLY-MEDIEVAL JAPANESE PROSE**

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
Moscow City University
sadokova@list.ru

The article deals with the history of borrowing by the early-medieval Japanese literature the plots of ancient legends recorded in the VIII century and included in one of the scrolls of the poetic anthology “Man'yōshū”. By a specific example, the author shows what changes the source text underwent and reveals the main transformations at the plot, stylistic and artistic levels. It is shown how a rather complex literary work consisting of several parts was created on the basis of a simple folklore storyline within the monument of the early-medieval Japanese literature “Yamato Monogatari”. It is noted that this way of borrowing and transforming folk texts can be considered in the context of the process of the national Japanese prose formation.

Key words and phrases: ancient legends; borrowing process; literary adaptation; folk motives; early-medieval Japanese literature; poetic anthology “Man'yōshū”; ‘uta monogatari’ genre.

УДК 821.112.2

Дата поступления рукописи: 18.02.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.4.85>

В статье исследуется литературный контекст Восточной Германии 1950-1970-х гг. с целью выявления степени восприятия, переосмысления и переработки художественного опыта известного писателя И. Бобровского. Интерес к творчеству автора неохрестического романа, его индивидуальному стилю обусловлен синтезом традиционных методов и новаторских элементов, объединенных художественной концепцией истории в стиле Бобровского. Творческое наследие писателя актуально, востребовано и узнаваемо преломляется и живет в текстах романов Э. Штриттматтера, Ф. Фюмана, Ю. Беккера.

Ключевые слова и фразы: художественный опыт; индивидуальный стиль; историческая реконструкция; рецепция; историческая проза; И. Бобровский.

Фролов Георгий Аркадьевич, д. филол. н., профессор
Казанский (Приволжский) федеральный университет
mahinin@rambler.ru

Гильфанова Гульнара Тавкильевна, к. филол. н., доцент
Набережночелнинский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
gulnara_tav@mail.ru

**РЕЦЕПЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПЫТА И. БОБРОВСКОГО
В ПОСЛЕВОЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1950-1970-Е ГГ.)**

Современный мир противоречив и требует глубокого анализа событий, имевших место в переломные годы конца прошлого столетия (1990-е годы), особенно на стыке веков (XX-XXI вв.). Развитие глобального научно-технического прогресса, с одной стороны, и возникновение воинствующего национализма в ряде европейских государств – с другой, требуют обращения к историческим истокам, способствующим геополитическим изменениям на постсоветском пространстве и духовным преломлениям поколений людей, и нового художественного осмысления. Послевоенные немецкие писатели пытались найти ответы на вопросы, которые ставила им сама жизнь, и обратились к творческому наследию Иоганнеса Бобровского (1917-1965). Поэтому **цель** этой статьи – выявить степень восприятия творчества Бобровского писателями и новеллистами Восточной Германии в период 1960-1970-х гг. и переработки ими (реконструкции) художественного опыта писателя. **Актуальность** заключается в необходимости проанализировать художественное осмысление исторического процесса в литературе Германии середины прошлого столетия, определить преемственность художественного метода изучаемого писателя последующим поколением литераторов. Его художественные методы были рецептированы художниками слова не только стран Западной и Восточной Европы, но и стран Латинской Америки и Ближнего Востока [10]. Но в отечественном литературоведении нами не были отмечены работы, исследующие особенности художественного метода и переосмысление художественной концепции истории Бобровского в восточно-немецкой литературе 1960-1970-х гг. Это и определяет научную **новизну** проведенного исследования, **задачами** которого являются обзор и анализ творчества Э. Штриттматтера, Ф. Фюмана, Ю. Беккера; поиск точек пересечения с авторским текстом и звучания индивидуального стиля И. Бобровского в анализируемых романах известных немецкоязычных прозаиков; определение степени рецепции немецкими писателями эстетического приема Бобровского в рассматриваемых текстах и реконструкции ими его художественного опыта в репрезентации немецкой истории XX века.

В первой половине 1990-х гг. литературоведы объединенной Германии анализируют состояние немецкой литературы ее восточной территории (1949-1989 гг.), творчество писателей, находящихся в условиях тоталитарного режима и постоянной цензуры (1950-1960-е гг.). Вольфганг Эммерих подчеркивает специфику национальной литературы, сформировавшуюся «по следам литературы ГДР» (восточно-немецкая «сцена»), и следует «идее середины», отмечая сосуществование «региональных сцен». Ханс-Петер Эккер противопоставляет процесс регионализации восточно-немецкой литературы общенемецкому литературному сближению [3]. Другие литературные критики расходятся в своей оценке литературы востока Германии и считают любую, в том числе и литературную, историческую реконструкцию интерпретацией (Ральф Шнелль).

Однако общим для вышеназванных исследователей немецкоязычной литературы является признание, что тенденции к объединению Германии и основные вехи сегодняшнего культурно-исторического сознания начинают складываться уже в 1960-1970-е гг. Для характеристики этого процесса швейцарский писатель и философ Адольф Мушг вводит термин «смена направления» (“Tendenzwende”). «Ветер перемен» в 1970-е гг. одинаково ощутим в обеих немецких литературах. С этого времени начинается сближение разных литературных систем, что находит отражение в темах, мотивах и жанрах [Там же]. «Дух перемен» ощутим и для читателей произведений (сборники новелл, романы) И. Бобровского: призыв к сохранению национальной идентичности, сближению и объединению представителей различных национальностей, стремление к социально и национально сбалансированному, гармоническому миру.

В 1970-е гг. восточно-немецкие писатели обратились к творческому наследию Бобровского – автора немецкого «неоисторического романа» [Там же, с. 38]. Рецепция и переосмысление литературного опыта восточно-прусского «мультинационального» писателя позволили им переработать в своем сознании его художественный стиль и обратиться к воспоминаниям своего детства, рассказать об истории родного края, найти новые типы повествования.

И. Бобровский осознает вину немецкого народа перед народами Восточной Европы (основная тема творчества) и в 1950-1960-е гг. создает серии стихов и новелл на историческую тему, предугадывая будущие политические изменения на территории Германии. Важнейшим моментом в системе его художественной концепции истории, своеобразной художественной переработки истории Германии «по-Бобровски» является голос народа, народное мнение, народное восприятие истории. В отличие от своих предшественников он меняет характер реконструкции истории.

Свое сочинение «Мельница Левина» (первый роман), завершенное в 1963 году, автор связывает с Восточной Пруссией, так же как и появившееся двумя годами позже произведение «Литовские клавиры» (второй роман), и называет его «меланхолично-сентиментальной книгой» [1, с. 10], в которой немцы раскрываются в своих действиях и взаимоотношениях с соседями, с поляками. Также здесь появляются цыгане, евреи, католики, евангелические секты и даже польско-итальянский цирк. Речь идет о любимой Бобровским Сарматии (позднеантичное название Восточной Европы), едином культурном пространстве как «месте живого общения» [Там же, с. 12] немецкой, цыганской, славянской и еврейской (восточноевропейской) культур, которая оживает в воображении писателя [2].

Еще в 1960-е гг. размышляет Бобровский в своем дневнике (коллеги писателя по литературному цеху опубликовали его посмертно, включив туда и свои доклады) о том, что культура «мыслима как процесс очеловечивания взаимоотношений» [13, S. 66].

Заслуга Бобровского в том, что его литературные тексты и его индивидуальный поэтический стиль изменили жанровую природу исторических повествований, их структуру, технику повествования. Творчество писателя положило начало расцвету исторической прозы, связанному с непрямоносностью современной ситуации и исторических перспектив, явлению, характерному не только для литературы Германии 1970-х гг., но и для мирового литературного процесса в целом. В стихах и прозе он размышляет о причинах национальной трагедии, пытается найти ответы в многовековом пути Германии, выражает всю тяжесть ответственности, лежащей на человеке, вовлеченном в круговорот исторических событий.

Необходимо повторное чтение его исторической прозы – новелл и романов, созданных в период трагического раскола немецкой нации в 1949-1989 гг., в которых автор рассказывает о многовековой истории своего народа, художественно осмысливает исторические события и лично им пережитое. Реальную основу живой истории литературы составляет творческая индивидуальность И. Бобровского. Он обладает особой магией поэтического слова, выступает против национальной розни и продолжает работать в своем стиле, художественно осмысливая отечественную историю и предлагая новую модель мира в новеллах и романах на исторические темы, обращается к теме «обычного фашизма».

В нашей работе мы рассмотрели тексты произведений известных немецкоязычных писателей Э. Штриттматтера, Ф. Фюмана и обратились к прозе Ю. Беккера, Х. Шютц, Ф. Р. Фриза с целью выявления степени рецепции и реконструкции ими литературных исканий Бобровского.

Немецкий писатель Э. Штриттматтер (1912-1994), являвшийся еще задолго до И. Бобровского автором собственного мировидения деревенской жизни, получил от него новые творческие импульсы, и, например, том «Синий соловей, или Начало чего-то» [8] содержит ряд заимствований художественного стиля Бобровского.

Э. Штриттматтер – удивительный устный рассказчик, его истории обрастают новыми подробностями, высвечиваются одни стороны, уходят в тень другие, заостряются сюжетные ходы, углубляется смысл, словом, они преобразуются, как всякое художественное произведение (рассказы «Как я познакомился со своим дедушкой», «Синий соловей»). Сказовая манера повествования рассказчика: «Теперь мне пора объяснить...»

или «Теперь самое время сказать об одной черте характера моего деда...», – чередуется с серьезными рассуждениями о стиле повествования, «которые были в моде во время Гете...» [Там же, с. 137-139].

Попытка Э. Штриттматтера вспомнить и проанализировать свое «восприятие поэзии в сложные, “ушедшие в тень”, годы детства и отрочества» [14, S. 105] реализовалась в реконструкции жизни прежнего провинциального городка (или сельской местности), в которой и разворачиваются исторические события того времени. Рецепция художественного стиля (приема) Бобровского, воплощение его эстетической концепции были восприняты Штриттматтером и нашли свое отражение на новом содержательном уровне. Фактические «случаи из жизни» автора, рассказы «соловьиного цикла» завораживают импровизационной непосредственностью повествования, которое идет от первого лица, есть много философских, лирически-иронических рассуждений об искусстве.

Читатель узнает о славянском происхождении рассказчика («Как я познакомился со своим дедушкой») из фразы «дедушки спорили по-сорбски (дедушка Юришка и дедушка Кулька)», а также о повседневной жизни в бедных «сорбских деревнях близ Хойерсверда» и зажиточных поселениях, «где была “житуха”, деревня Прошим» [8, с. 121]. Сорбы (лужицкие сербы), официально признанное национальное (славянское) меньшинство в Германии, проживают в основном в Бранденбурге и Саксонии (в ФРГ насчитывается около 60 тысяч представителей этой народности).

Между строк, в потоке воспоминаний рассказчика, мы узнаем о реалиях того времени: «Каждую неделю к городской бирже труда стекался батальон мужчин... безработные; они выстаивались в очередь в ожидании штемпеля» [Там же, с. 163]; о патриотизме «вновь обретших родину» солдат, вернувшихся домой (Первая мировая война), новоявленных нацистских идеологов: «В зале трактира у дедушки и бабушки Юришек состоялся бал “вновь обретших родину”. Вот опять слова – зародыши патриотической высокопарности... до дня бала “вновь обретших” я не знал чувства страха» [Там же, с. 125]. Сравним: фашиствующие персонажи в романе И. Бобровского «Литовские клавиры» – адвокат Нейман, Готшалк, парикмахер Бергер, жандарм Вазген, Лемке – проповедуют сомнительные ценности: расизм, культ силы, ненависть, «над столом... взвиваются и шелкают слова: “национальный позор”, “германская честь” и тому подобное» [2, с. 373].

В рассказе «Снегурочка» цикла «соловьиных историй» дядюшка Филь читает разножанровые литературные тексты и комментирует их в кругу семьи: газету «Горная вахта», «Журнал мод для германского дома и семьи», «Медицинский альманах о здоровых и больных днях» доктора фон Хюльзена (Хюльзеновы книги), «Книгу для чтения», которая представляла «краткий обзор прусско-бранденбургской истории». В книге о медицине дается описание человека: «...это пустые полости и только, химического содержимого, если его вытопить, всего на шесть марок восемьдесят» [8, с. 148]. Рассказчика бросает в холод от этих подсчетов, «но мы и не подозревали, что пройдет немного времени и наши озверевшие соотечественники применят научные рассуждения фон Хюльзена на деле и будут вытапливать из человека содержимое его тканей» [Там же]. Писатель надеется на здравомыслие потомков, обращается к современному поколению со словами: «Мои дорогие немцы... понукаемые “тпру” и “ну” их собственной истории, наконец чему-то научатся и начнут отличать псевдонауку от науки» [Там же, с. 149]. Это созвучно историческому мировоззрению И. Бобровского: «...понять себя и извлечь уроки из своей истории, чтобы не совершить новых ошибок» [9, S. 165].

В автобиографических рассказах Штриттматтер не придерживается хронологии. Об этом говорит структура циклов «Соловьиных историй». Именно в новых рассказах его второй книги «Моя приятельница Тина Бабе» (продолжение «Синего соловья») многое связано с детством, у писателя сильна и свежа память о собственном детстве, детских мечтах и увлечениях. В стенографических романах писателя большое место занимает тема искусства. История «Цирк Винда» повествует о ранних впечатлениях Штриттматтера, ему особенно дорого все касающееся искусства бродячих кукольников, балаганчиков и циркачей. Э. Штриттматтер вводит тему клоунады, фокусничества, чародейства, чудодейства и лицедейства, и мы можем утверждать, что в тексте произведения получил свое продолжение самобытный стиль И. Бобровского. Сравним: в романе И. Бобровского «Мельница Левина» во время выступления импровизированного цирка на току (на площади) около риги Розинке главные действующие лица – Антонио, Мари, Вайжмантель, дети Скарлетто, Хабеданк, Виллюн – выходят на арену после животных, танца и припева частушки, разоблачают преступления зажиточных сельчан [2]. По этому поводу Штриттматтер размышляет: «Цирк – проникнутая поэзией область, поэтическая “провинция”, заслуживающая изучения. У циркачей прекрасные гуманистические традиции: поддержка, взаимная выручка. Они готовы в любой момент прийти на помощь друг другу, они друг от друга зависят и друг друга не подводят» [8, с. 10]. Рассказы «соловьиного цикла» являются воплощением простых и важных, глубоко гуманистических истин, в этом и проявляется родство писателей в мировоззренческом плане и концептуальном.

Конкретные примеры рецепции и влияния Иоганнеса Бобровского можно найти и в творчестве немецкого писателя Ф. Фюмана (1922-1984). Став классиком восточно-немецкой литературы (1949-1989), он не остановился на достигнутом и, переосмыслив художественный опыт И. Бобровского, стремится еще раз пережить события детства и поведенческие стратегии. А в этом аспекте, полагает известный немецкий критик, «бобровскиевед» Б. Лейстнер, более уместно будет сослаться на такие произведения Ф. Фюмана, как прозаический сборник «Жонглер в кино» (1970) и его венгерский дневник «Двадцать два дня, или Половина жизни» (1973). Дневник содержит фрагменты текстов, трансформировавших поэтический стиль Бобровского, а именно анализ пережитых воспоминаний с точки зрения сегодняшнего дня [12, S. 139]. Ф. Фюман уже в поздние годы своего творчества говорил, что его внутреннее превращение, возвращение к себе произошло с написанием книги (автобиографического произведения) «22 дня, или Половина жизни» (1973). Это вторая книга трилогии, которая

представляет художественную фиксацию процесса изменения человеческой психики, прослеженного во всей его диалектике, многосложности и многоступенчатости. В этом философском романе-эссе писатель структурирует излагаемый материал, указывая место и даже время происходящего, неожиданно погружаясь в свои воспоминания или сны, так называемые полеты в нереальности: «СОН: Я сижу в самолете и знаю, что лечу в Финляндию... Самолет изнутри похож на кухню: на месте кабины пилота – кухонный шкаф... слева – холодильник, позади смутно виднеются многоэтажные нары... открываю дверцу (холодильника) и вижу в углу пустой камеры... сидит на корточках гном...» [6, с. 431-432]. Таким образом, автор рассказывает о своем прошлом, о службе в рядах Вермахта, о своих страхах и перерождении. Впоследствии он задавался вопросом: «Что оставалось во мне от бывшего фашиста, когда политически я уже с ним полностью порвал?» [Там же, с. 9], – и пытался найти ответ в своих книгах. Со временем для Фюмана все большее значение приобретали вопросы жизненной позиции творческой личности. Он стремился «создать тот кусочек литературы, который в состоянии создать только он, и никто другой» [Там же, с. 10]. Он, как и Бобровский, стремился задавать безотлагательные вопросы. Исходя из собственного опыта (служба на Восточном фронте во время Второй мировой войны) и заимствуя темы из прошлого, оба писателя написали суровую правду о себе, свою историю. Отсутствие последовательного сюжета и внезапные отступления (смещение реальности и фантастики), переносящие читателя в совершенно иную историческую эпоху, неожиданная самостоятельность побочных эпизодов обогащают, углубляют художественную концепцию произведений литературных современников. Сравним: в романе «Мельница Левина. Повесть о моём дедушке в 34 пунктах» Бобровский знакомит читателя с биографией, прошлым и генеалогией старика Бобровского (однофамилец автора) через сны, так называемые уходы в прошлое, обозначенные в романе «явлениями духов» (Полеске, Кшистоф, Микаэль, старейший пращур деда Збилут, он же Ястшемб).

Некоторые соответствия, например художественная организация сюжета с опорой на творческий метод Бобровского, можно обнаружить в дебютном романе Юрека Беккера «Якоб-лжец» (1968). Именно это произведение в нашем анализе является идеальным примером и определяет степень влияния Бобровского на творчество этого писателя, который умел пробуждать интерес к самым обыденным вещам и не боялся быть повседневым. И в самом деле, стиль повествования Беккера говорит о многом. Текст романа «Якоб-лжец» имеет прямое отношение к роману Бобровского («Мельница Левина»): основные события вымышлены; основное слово берет рассказчик, единственный свидетель, именно он сообщает правду читателю – синтез документального и вымысла [4]. Беккер заимствует распознанную в романе Бобровского модель и воплощает ее в своем произведении. Беккера, стиль которого отличают логичность, последовательность, лаконизм, наличие новых оригинальных решений, в немецкоязычной литературе сравнивают с Бобровским. Беккер, вслед за ним, повествует в жанре рассказа и дает точную обрисовку деталей. А критики И. Гумперт и Р. Мельхерт отмечают в романной прозе Беккера («Якоб-лжец») «некоторые блестящие эпизоды» [7, с. 12].

Бобровского и Беккера объединяет своеобразное сочетание таких приемов, как многоаспектное изображение пространства (совмещение разных временных плоскостей – наряду с повествованием о прошлом присутствует и изображение жизни героя или рассказчика в настоящем, – обычно чередующихся друг с другом), включение способа повествования в тематику повествования, что и позволяет им раскрыть основной замысел произведения.

Кроме того, в своем сочинении «Мельница Левина» Бобровский продолжает традицию устного народного творчества, используя также структурные элементы юмористического (сатирического) романа, и, таким образом, высказывает авторское мнение по отношению к событиям романа, которое не могло быть адекватно воспринято беспристрастной читательской аудиторией. Объективное повествование от лица рассказчика, с использованием специфических языковых средств, предполагает у Бобровского присутствие автора, нравственный и моральный опыт которого, безусловно, влияет на ход повествования.

Заметно, что моральный аспект у Беккера представлен не так ярко. Но Беккер, как и Бобровский, стремится осознать и понять историческое прошлое немецкого народа, используя в значительной степени свободный от нормативности стиль повествования. Это позволяет воспринять, по крайней мере, всеобщие принятые, в то же время стереотипные представления и образ мышления.

О намерении Хельги Шютц овладеть повествовательной техникой (моделью) Бобровского свидетельствует введение ее прозаической работы «Истории, или Красивая местность Ницца Пробштайн», она полагает: «Мы одни, никто нас не преследует, закройте дверь, веселье (удовольствие) начинается» [15, S. 5]. Б. Лейстнер отмечает, что «погружение читателя» в повседневную жизнь местного ландшафта в рамках контекста, синтез исторической правды и вымысла, представляющие конкретно-репрезентативное повествование, «живут» в романе Ф. Р. Фриза «Воздушный корабль» (1974) [14, S. 107], в котором в связи с этим ссылка на Бобровского не такая явная. Но то, что Фриз обнаружил у самобытного писателя, проявляется в его текстах в большей степени, чем у Ю. Беккера или Хельги Шютц [Ibidem]. Следующим образом реализуется в его романе творческий метод И. Бобровского. Рассказчик-внук ведет повествование от первого лица и дополняет историю деда реальными фактами и суждениями одаренных правнуков, а также более широкой аудитории, мнение которой представляется не менее важным и которой и адресуются вопросы. Ф. Р. Фриз осмысленно, с помощью архаизмов, хотел рассказать так, чтобы привлечь внимание более широкого читательского круга для восприятия и более глубокого анализа предлагаемого материала. В приведенном примере речь идет о значении и сохранении исторической памяти, нравственных ценностей, получивших эстетическую интерпретацию в поэзии и прозе И. Бобровского, активная гражданская позиция которого стала

литературным ориентиром и оказала влияние на творчество начинающих писателей 1970-х гг. при выборе языковых средств, создании индивидуального поэтического стиля.

В заключение следует отметить, что наше исследование затронуло поэтический и концептуальный пласт творчества Бобровского. Его историческая проза стала ориентиром для известных немецких авторов, таких как Э. Штриттматтер и Ф. Фюман, произведения которых относились к литературе, стремящейся показать сложную диалектику XX века, выявляющей подлинные ценности жизни и ее глубину, задающей читателю «срочные» вопросы. То, о чем мы сначала говорили эскизно, попытались верифицировать в художественных произведениях, возникших в литературе Восточной Германии в середине 1960-1970-х гг. В немецкой литературе более позднего периода существуют прозаические фрагменты, напоминающие авторский повествовательный стиль, но чаще это использованные писателем штампы. Молодые авторы придают огромное значение его творчеству, его стихи и прозу читают, признают и ценят. Художественное своеобразие творчества И. Бобровского проявляется в поэтике его прозы, в которой нашла свое воплощение художественная концепция истории послевоенной Германии. Противоречивые явления бытия конца тысячелетия и начала нового создают предпосылки к тому, что характерный для литературы 1960-х и начала 1970-х гг. стиль Бобровского в исключительных случаях может быть воспринят и использован в творчестве начинающих поэтов и писателей новой Германии.

Список источников

1. Альбрехт Д. Пути в Сарматию. Десять дней в стране пруссов. Места, тексты, знаки. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 464 с.
2. Бобровский И. Избранное. М.: Молодая гвардия, 1971. 447 с.
3. Вилисова Т. Г. Историческая проза 70-80-х гг. XX века. Поэтика жанров: дисс. ... к. филол. н. Пермь, 2005. 204 с.
4. Гильфанова Г. Т. Проблема «преодоления прошлого» в прозе Иоганнеса Бобровского // *Филология и культура (Philology and Culture)*. 2017. № 1 (33). С. 69-73.
5. Глушкин О. Б. Миры Бобровского. Калининград: Калининградская книга, 2017. 320 с.
6. Фюман Ф. Избранное. М.: Радуга, 1989. 544 с.
7. Чистякова Л. В. Поэтика романов «расчета с прошлым» Ю. Бекера и традиция немецкого антифашистского романа: дисс. ... к. филол. н. Орел, 2003. 158 с.
8. Штриттматтер Э. Романы в стенограмме. Рассказы. М.: Прогресс, 1978. 256 с.
9. Albert P. Die Deutschen und der europäische Osten // "Vergangenheitsbewältigung" als Historismuskritik im Erzählwerk Johannes Bobrowskis. Erlangen – Nürnberg: Palm & Enke Verlag, 1990. 334 S.
10. Degen A., Descher S. Johannes – Bobrowski – Bibliographie 2002-2016 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.johannes-bobrowski-gesellschaft.de/jb/Bobrowski-Bibliographie 2002-2016.pdf](http://www.johannes-bobrowski-gesellschaft.de/jb/Bobrowski-Bibliographie%202002-2016.pdf) (дата обращения: 05.02.2019).
11. Fries F. R. Das Luft-Schiff. Biografische Nachlässe zu den Fantasien meines Großvaters Rostock. Berlin – Weimar: Aufbau-Verl., 1990. 413 S.
12. Fühmann F. Zweiundzwanzig Tage oder Die Hälfte des Lebens. Rostock: Hinstorff Verlag, 1974. 238 S.
13. Johannes Bobrowski: *Selbstzeugnisse und Beiträge über sein Werk*. Berlin: Union Verlag, 1975. 427 S.
14. Leistner B. Zur Nachwirkung Bobrowskis in der Literatur der DDR // Kelletat A. *Sarmatische Zeit. Erinnerung und Zukunft. Dokumentation des Johannes Bobrowski Colloquiums 1989 in der Akademie Sankelmark*. Sankelmark: Schriftenreihe der Akademie, 1989. Heft 69. S. 101-109.
15. Schütz H. Vorgeschichte oder schöne Gegend Probstein. Berlin – Weimar: Aufbau-Verlag, 1971. 210 S.

RECEPTION AND RECONSTRUCTION OF J. BOBROWSKI'S ARTISTIC EXPERIENCE IN THE POST-WAR GERMAN LITERATURE (THE 1950-1970S)

Frolov Georgii Arkad'evich, Doctor in Philology, Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
mahinin@rambler.ru

Gil'fanova Gul'nara Tavkil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Naberezhnye Chelny Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University
gulnara_tav@mail.ru

The article examines the literary context of Eastern Germany of the 1950-1970s with a view to identify the level of perception, reinterpretation and revision of artistic experience of the famous writer J. Bobrowski. The interest in the creative work of the neohistorical novel author, his individual style is conditioned by the fact that J. Bobrowski's style synthesizes traditional methods and innovative elements united by a common artistic conception of history. The writer's creative heritage is relevant and clearly traceable in E. Strittmatter's, F. Fühmann's, J. Becker's novels.

Key words and phrases: artistic experience; individual style; historical reconstruction; reception; historical prose; J. Bobrowski.